

Дожить до столь почтенного возраста - уже своеобразный подвиг, особенно когда за плечами - тяжелые военные годы. Но Давида Яковлевича Гуревича никак не назовешь ветераном на пенсии. Как и пять, и двадцать пять лет назад, для многих этот удивительный человек прочно ассоциируется с Музеем коневодства МСХА им. К.А.Тимирязева. Ведь в том числе благодаря и ему, на протяжении почти четверти века занимавшему директорский пост, музей стал настоящим домом конников, местом встречи единомышленников со всех концов страны и даже мира.

Иногда кажется, нет такого «конного» вопроса, на который Давид Яковлевич не нашел бы ответ. История пород, конных заводов, биографии спортсменов, коннозаводчиков, великих лошадей, практические вопросы, связанные с содержанием и лечением лошадей, - ничто не ускользает от его внимания, и этим огромным багажом знаний он щедро делится с молодым поколением. Наверное, многие конники по-новому открыли для себя мир лошади (и не только лошади) после его экскурсий по музею.

А ведь в том, что профессией Давида Яковлевича стали именно лошади, есть некоторая доля случайности. В 1937 году он поступил на биологический факультет МГУ, в студенческие годы выполнил первую научную работу, посвященную постнатальным изменениям крови у млекопитающих и птиц. И кто знает, может быть, и стал бы Гуревич известным физиологом, если бы не война. В 1941 году весь курс перевели в Военно-ветеринарную академию - армия нуждалась в специалистах-ветеринарах. Новую профессию осваивали в эвакуации, в голодных казахских степях, в сверхсжатые сроки - уже в 1943 году новоиспеченные ветеринары отправились на фронт. Давид Яковлевич может немало рассказать о том, как ковалась Великая Победа, - в том числе и в военных ветлазаретах, через которые проходили десятки и сотни тысяч лошадей.

В мае 1945-го Давид Яковлевич был начальником штаба 408-го фронтового (т.е. входившего в состав фронта) ветлазарета. После окончания войны остался служить в Германии, до августа 1949 года был сотрудником Управления военного коменданта Берлина. Дальше его ждала судьба кадрового военного. Служил и в Казахстане, и на Сахалине. Уволившись из армии в 1967 году в звании полковника, Д.Я.Гуревич начал работу на кафедре коневодства МСХА им. К.А.Тимирязева, был ветврачом учебно-опытной конюшни, а с 1975 года работает в Музее коневодства.

Сделано Давидом Яковлевичем за это время немало, и не только для музея, пополнившего свою коллекцию и посетившего с выставками Францию и США. Д.Я.Гуревич - автор книг «Отечественное коневодство: история, современность, проблемы» (совместно с Е.В.Кожевниковым), «Предадимся бегу нетерпеливого коня», первого на русском языке «Словаря-справочника по коневодству и конному спорту» (первое издание, подготовленное в соавторстве Г.Т.Рогалевым, вышло в 1991 году, второе, расширенное и дополненное, - в 2000 году). Кроме того - многочисленные статьи в самых разных изданиях, от специализированных конных до

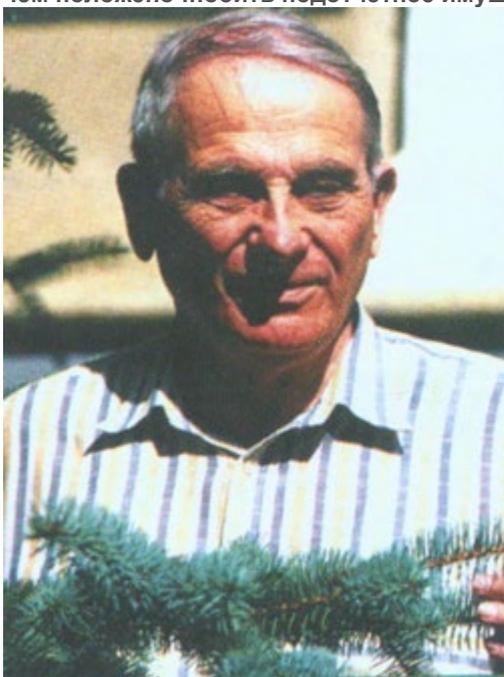
таких, как «Наше наследие» и «Литературное обозрение», и изданиях не только российских. И доклады на симпозиумах в Германии. Д.Я.Гуревичем переведена с немецкого книга А.Эзе «Конный спорт», в русском издании книги Б.Гржимека «И снова лошади» он выступал в качестве научного редактора, переводчика и автора комментариев. На протяжении нескольких лет в журнале «Коневодство и конный спорт» он вел рубрику «По залам уникального музея». Только в 2004 году опубликовано четырнадцать материалов Давида Яковлевича в различных изданиях. Читатели нашего журнала знают Д.Я.Гуревича по рубрике «Книжный развал», статьям «Записки старого ветеринара», «Через войны к звездам», «Шалости ДНК» и др.

Сердечно поздравляем юбиляра и полагаем, что к нашим поздравлениям и наилучшим пожеланиям с радостью присоединятся очень многие на пространстве от Кентукки до Владивостока. Здоровья вам, Давид Яковлевич, и вечной молодости души!

Гуревич Д.Я. Хозяин музейных залов // ЗМ №4/1998 (Журнал «Золотой мустанг»)

<http://www.goldmustang.ru/magazine/heroes/people/396.html>

Давид Яковлевич Гуревич, ветеринарный врач по образованию, подполковник запаса, с 1979 года является директором Музея коневодства Московской сельскохозяйственной академии им К. А. Тимирязева. Когда мы приехали на встречу с Давидом Яковлевичем, то не смогли удержаться от осмотра экспозиции музея, тем более что нашим экскурсоводом стал не кто-нибудь, а сам директор, Давид Яковлевич водил нас от стенда к стенду и, схожие на первый взгляд предметы, как бы оживали. Наш провожатый в деталях знал историю каждого из них и любил каждый гораздо больше, чем положено : побить подотчетное имущество. Казалось, он провел здесь всю свою жизнь, но...

Директорами не рождаются

Честно говоря, я не знаю человека, который бы с детства мечтал стать директором музея. Не мечтал об этом и юный Гуревич, Его страстным увлечением была биология, а точнее физиология животных. Он никогда не был лошадиником, и хотя несколько раз с удовольствием катался верхом, душа его не горела лошадиным жаром, С этим он и поступил в далеком тридцать седьмом году на биофак МГУ, желая предаться любимой науке. Впереди начала вырисовываться неплохая академическая карьера, но стать физиологом Давиду Яковлевичу так и не пришлось.

Когда он закончил четвертый курс университета, началась война. Приказом свыше студентов-биологов в срочном порядке переучивали на ветврачей. За полтора года Гуревич прослушал ускоренный курс военно-ветеринарной академии, получил звание капитана и был отправлен на фронт, в 452-й армейский лазарет 7-го Гвардейского кавалерийского корпуса. Тут уж ему пришлось вплотную столкнуться с лошадьми и учиться крепко держаться в седле — а что было делать, ведь они стали его пациентами и одновременно основным средством передвижения.

Потянулись фронтовые месяцы, через руки Давида Яковлевича прошли сотни раненых лошадей. «Мы ложились спать, закрывали глаза, - вспоминает он, - и перед глазами вставали раны. раны и раны, гнойные и с грануляциями. С ними и засыпали».

Наконец война закончилась, но служба в армии понравилась молодому Гуревичу «Я люблю порядок и дисциплину говорит Давид Яковлевич, — поэтому служба никогда не была мне в тягость и даже пришлось по душе». Так война (а может судьба) сделала из Гуревича профессионального военного с ветеринарным «уклоном». Как и всех военных, его стало носить по городам.

Первые мирные годы Яковлевич провел в Берлине на должности инспектора советской комендатуры города. Заниматься ему приходилось всем сразу – начиная от организации ветеринарных мероприятий по борьбе с сапом и кончая восстановлением ипподромов в Карлхорсте и Хоппегарене (пригородах Берлина).

Самым экзотическим и самое тяжелым из его назначений в те дни была должность начальника эшелона, в котором везли из Германии диких животных — обезьян, тигров, крокодилов и др.,— полученных в рамках репарации. Во время этой поездки Гуревич чудом избежал гибели, но о том, что с ним произошло, наотрез отказался говорить. «Я даже вспоминать об этом не могу», — был его ответ.

После Германии в графе паспорта «место жительства» менялись алма-атинские, ленинградские, прибалтийские и сахалинские адреса. Служба шла хорошо, но с течением времени лошади ушли из его жизни, а вернулись спустя много лет, когда уставший от военной службы, бесконечных переездов и неустроенности быта, подполковник Давид Яковлевич Гуревич вышел в отставку и с семьей вернулся в Москву.

Он был еще не стар, полон сил и стал подыскивать себе новое занятие. Весь его профессиональный опыт составляли ветеринария и лошади, а тут очень кстати подвернулось место ветврача на учебно-опытной конюшне ТСХА. Недолго думая, Гуревич согласился. Из конюшни было рукой подать до музея коневодства, который понравился Давиду Яковлевичу сразу и навсегда. И не зря — спустя еще одиннадцать лет он занял кресло его директора, чтобы задержаться в нем на целые двадцать лет.

Музей — это не просто пыль на картинах

ЗМ: — Давид Яковлевич, вам не скучно сидеть в тиши музейного зала после стольких лет активной и деятельной жизни?

Д.Я.: - Что здесь тишина – это только кажется. Наша работа – не просто хранить и показывать картины. Свою деятельность на посту директора я начал вообще с капитального ремонта. До него музейные картины висели по всему зданию кафедры – в аудиториях, в коридорах, над лестницами. Это при их то ценности! Пришлось срочно приводить все в порядок.

Потом мне не то что в кресле – в Москве засидеться не удастся, приходится снова колесить по свету, теперь уже с музейными экспонатами. То в Париж возил картины на выставку «Салон дю Шеваль», то в США опять же выставка была в Музее Лошади (г. Руидозо-Дауне), музее Кентакки Дерби (г. Луисвилл). Только в Германии за последнее время был четыре раза, познакомился с президентом «Общества любителей экипажной езды и спорта», он стал приглашать меня с докладами на симпозиумы. Так что в музеях какая-никакая жизнь идет!

ЗМ: — Значит беспокойства у вас и сейчас хватает?

Д. Я.: — Еще как хватает. Музей у нас хоть и маленький, а ценности содержит колоссальные. Ими всегда находятся желающие поживиться, они к нам не раз залезали уже на моей памяти. Один раз им кража удалась, потом попытались обворовать в прошлом году. Пришли ночью, сторожуху приковали наручниками к стойке гардероба, усыпили ее собаку и стали пилой выпиливать дверь. Воры не знали, что у нас есть сигнализация, когда же она сработала, туг и сбежали. Их не нашли, конечно, да и Бог с ними! Главное картины целы остались.

Последнего грабителя я прогнал сам. Он выбрал время, когда в зале никого не было и снял со стены небольшую, но очень ценную картину. А тут я шел, услышал, что в зале кто-то возится, и понял: «воруют»! — бросился туда. Вор опять же сбежал, а картину вынести не успел, вскоре мы благополучно ее нашли. Вот такие гости к нам иногда навещаются.

ЗМ: — Наверное и вам хороших посетителей немало к вам приходит?

Д. Я.: — В общем-то мало, по сравнению с большими музеями. Я могу сказать, сколько. Как старый бюрократ, веду журнал, где все записываю сколько посетителей принимаем, кому какие консультации даем и много еще чего. Кстати, даже изучил динамику посещаемости музея и могу сказать, что самые плохие наши годы уже позади — последние пару лет к нам идет народу все больше и больше.

ЗМ: — Были в музее гости, которые особенно вам запомнились?

Д. Я.: Выделить кого-нибудь трудно — для меня все посетители интересны. Хотя был вот такой случай. Связался со мной профессор одного из американских университетов по фамилии Паньшин. К лошадям он никакого отношения не имел, но откуда-то узнал, что его дед – выходец из России – имел свой конный завод. Профессор обратился ко мне с просьбой помочь ему отыскать его «русские корни». Я нашел эти сведения (у нас хранятся данные о всех коннозаводчиках дореволюционной России), и даже нашел старую племенную книгу, в которой записаны лошади его деда. Паньшин получил копии всех записей и безмерно счастливый вернулся в Штаты. Да и я был рад помочь в столь необычной ситуации.

ЗМ: — Давид Яковлевич, можно сказать, что вы остались довольны «музейным» поворотом в своей судьбе?

Д. Я.: — Да, доволен. Ведь я смог сделать многое из того, о чем давно мечтал. А впрочем, как бы то ни было, на судьбу обижаться бессмысленно — мы ее не выбираем, она сама выбирает нас.

Владислава Смирнова